

Матьяна
Люшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Дом, где исполняются мечты
Далекий мой, единственный
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Два шага до любви
Двое на краю света
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Свидание вслепую
Чудо купальской ночи
Влюбиться в жертву
Больше, чем страсть
Красота по-русски
Любовь со вкусом вишни
Моя нечаянная радость
Девушка-праздник
Тот, кто назначен судьбой
Девушка из нежной стали
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей

Татьяна
Алюшина

Формула
моей любви

Роман

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
С. Власова

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 **Формула моей любви : [роман] / Татьяна Алюшина.** — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-109064-7

Марк — гениальный математик, но у него очень тяжелый характер. Единственная девушка, которая может к нему приспособиться, с которой у них полное духовное единение, — это Клава. Но Марк выдвигает неожиданные условия — мы будем только друзьями, на большее не рассчитывай. И вот проходит десять лет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109064-7

© Алюшина Т., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Выражаю глубокую благодарность
за оказанную помощь
при написании данной книги
кандидату физико-математических наук
Беляеву Владимиру Валентиновичу*

Смартфон на столе, вибрируя, глухо гудел низким однотонным звуком и всё пиликал и пиликал незатейливой мелодийкой вызова с то затухающей, то нарастающей вновь громкостью звука, настойчиво требуя от абонента немедленно откликнуться на призыв, а Клава смотрела и смотрела на снимок на экране, по которому бегала снизу вверх стрелочка, указывая особо забывчивым пользователям, как именно необходимо провести пальцем, чтобы ответить наконец на затянувшийся вызов.

Вот так — вжик по экранчику легонечко — и «алло?», и все, вы разговариваете.

Хорошо же. Легко и просто. Давай ответь!

Этот снимок Клавдия сделала в пригороде Берна, полтора года назад. Только-только начиналась весна, пока еще робко, но уже настойчиво заявляя о своем приходе. Деревья казались сказочными в кружевных воздушных кронах, из почек пробива-

лась юная поросль, и воздух был совершенно особенным, каким-то сказочным и вкусным, обещающим что-то непременно интересное, радостное и захватывающее впереди. И даже вода в озере, на берегу которого они сидели, казалась веселой, будто ожидала того самого обещанного прекрасного будущего, рассылая вокруг солнечные блики.

Они тогда с Марком забрались на пригорок, подальше от цивильного променада вдоль речки, от курсирующих по нему людей, поспешивших выбраться на прогулки и пробежки на пригревшее, пока еще редкое, робкое солнышко и нашли это замечательное панорамное местечко, недалеко от стен старинного замка с потрясающим видом. Долго привычно молчали, сидя на сложенном в несколько слоев пледе, который Клавдия предусмотрительно прихватила с собой из гостиничного номера.

Наверняка администрация гостиницы возразила бы против такого использования их имущества, о чем и оповещала в памятке со сводом правил проживания, которую вручали постояльцам при заселении лично в руки.

Но Клава подбадривала себя рассуждениями о том, что, во-первых, у нее возникла такая необходимость, а во-вторых, что за те сумасшедшие деньги, которые тут дерут с постояльцев, можно этими пледами обвешаться с ног до головы в несколько слоев и с чистой совестью из этой гостиницы вынести все, вплоть до старинной чугунной

лоханки на толстых львиных лапах, стоявшей посреди огромной, полупустой, гулкой и холодной ванной комнаты.

Но с лоханкой-то бог бы — пусть себе стоит, где стояла, а вот без пледа никак нельзя — Клавдия точно знала, что они будут долго бродить и обязательно где-нибудь присядут полюбоваться видом, помолчать в созерцательном спокойствии, а поскольку они оба для такой цели предпочитают места уединенные, желательно без людей и шума-суеты, то вряд ли устроятся на скамейке или за столиком в кафе, а земля пока еще совсем холодная. Так что плед в пакетике с собой, и по большому счету по фиг, что там думает администрация по данному вопросу и чем будет недовольна, если обнаружит временную пропажу имущества.

А потом она сфотографировала Марка, таким он показался ей поразительным на фоне старой стены готического замка, озера и молодой поросли на дереве, попавшей краешком своей кружевной кроны в кадр.

Солнце как-то так по-особому осветило и легло на его лицо, что подчеркнуло, высветило сдержанную мужественность и этот необыкновенный, отстраненный от реальности, погруженный в себя взгляд насыщенно-темно-серых глаз, передавая самую суть характера и натуры этого мужчины. Он не заметил, что она его фотографирует, как обычно мало что замечая вокруг, когда его захватывала мысль, идея, озарение, в которые он погружался.

Стрелка все бежала и бежала вверх от волевого, упрямого подбородка, через сжатые губы к чуть прищуренным глазам, аппарат гудел от вибрации, а мелодийка, останавливаясь на мгновения, с новой силой нетерпеливо набирала громкость, словно попрекала нерадивого абонента за то, что тот не берет трубку.

Клавдия прекрасно знала, что он будет звонить и звонить, пока не добьется ответа, — упорно, целенаправленно и спокойно. Когда сотовый оператор любезно сообщит, что абонент не отвечает, прервав бесполезный вызов, Марк тут же наберет ее номер заново, а потом еще раз и еще раз и будет набирать, пока она все-таки не ответит. Клавдия резко выдохнула, взяла со стола смартфон и решительно провела пальцем вверх, следом за указующей стрелкой.

— Да, — ответила-таки она.

— Привет, — пробурчал Марк в своей привычной полузадумчивой манере и сразу же перешел к делу: — Я взял тебе билет на вечерний рейс сегодня. Сейчас скину на твою почту.

— Я не могу прилететь, Марк, — изо всех сил стараясь четко произносить слова ровным, спокойным и нейтральным тоном, сообщила она о своем решении.

Он непродолжительно помолчал, и Клава слышала, как он дышит в трубку.

— Почему? — спросил он тем своим особым тоном любопытствующего ученого, столкнувшего

гося с неожиданным неизвестным явлением, которым обычно задавал вопросы, когда чего-то не понимал.

— Так сложились обстоятельства, — помня про спокойствие и нейтральность, сдержанно произнесла Клава.

Он снова помолчал и задал следующий вопрос:

— Что-то случилось? — И перечислил возможные, с его точки зрения, происшествия, которые могли бы оправдать ее отказ приехать: — Ты заболела? Какой-то несчастный случай произошел? Или что-то с родными?

— Нет, — уверила Клава и повторила твердым голосом: — Так сложились обстоятельства, что я не могу прилететь к тебе, Марк.

Он снова молчал и сопел в трубку, а у Клавдии перехватило дыхание.

— Да, — нейтральным голосом произнес он. — Я понял. До свидания.

И разговор прервался.

Клавдия наконец глубоко вдохнула, с силой втянув в себя воздух до предела так, что даже немного закружилась голова, задержала дыхание на несколько секунд и длинно, протяжно-долго выдохнула.

Вот так. Вот так. Она это произнесла. И назад пути нет.

И осторожно, словно он состоял из наитончайшего хрупкого стекла, она медленно положи-

ла смартфон на стол и долго смотрела на черный прямоугольник экрана.

Первый раз она отказалась к нему приехать.

Первый раз.

А там, далеко, через города, реденькие рощицы и матерые леса, реки и речушки, через горы и равнины, холмы, пригорки, через деревушки, поселки, дороги и лоскуты садов-огородов, на другом конце света Марк Светлов таким же долгим взглядом смотрел на черный экран своего смартфона и думал о том, что вот оно и случилось.

Он всегда знал, что когда-нибудь настанет такой момент, когда она уйдет из его жизни в свою, обособленную от него вселенную.

Вот развернется и уйдет.

Нет, разумеется, он останется в ее жизни — не умрет же он на самом-то деле от этого ее ухода, — но никогда не будет так, как прежде.

И сразу все изменится — они останутся вроде бы друзьями и иногда, наверняка, даже будут случайно встречаться на каких-нибудь мероприятиях и праздниках. И станут дежурно интересоваться у родных и близких делами и успехами друг друга, но так, между прочим, как обычно вспоминают в разговоре о каком-то родственнике воспитанные люди, расспрашивают, делая заинтересованное лицо, и вежливо, терпеливо выслушивают расширенный ответ любящей родни о его достижениях и жизни.

И она будет жить дальше без всякого его участия и устроит новую жизнь с каким-нибудь Васей, или Петей, или этим своим, как его там зовут, или того пуще, Эдуардом каким, и наверняка наладит ее как-нибудь приемлемо-счастливо, эту свою новую жизнь.

Да, Марк знал, что когда-нибудь так и произойдет, но он был не готов к тому, что это случится прямо сейчас, так скоро и вот так, в один момент... и что ему от этого станет невозможно дышать и совершенно непонятно, как жить в новом, изменившемся пространстве.

Впрочем, это не имело значения. Он вернется в Москву, выяснит, что там у нее случились за обстоятельства такие, систематизирует факты, разложит все в логическую цепочку и пойдет дальше жить и работать.

Без нее. Как-нибудь, как-нибудь...

— Клавдия! — крайне раздраженным тоном призвала ее к вниманию дама. — Вы совершенно меня не слушаете! Это недопустимо!

— Да-да, — поспешила повиниться Клава. — извините, Эльвира Станиславовна, я невольно задумалась.

— О чем, господи боже мой, вы могли там задуматься, когда я говорю? — откровенно негодуя, удивилась мадам.

В самый разгар воспоминаний, в которые она с удовольствием погрузилась, такая nepoзвoли-

тельная ситуация — оказывается, ее бесценные откровения о прошлой жизни без зазрения совести игнорируются.

Клава разрешила себе полутяжкий вздох, который можно было трактовать как угодно — как покаянное извинение и как согласие с дамой — действительно, о чем там вообще можно думать, когда тут излагают нетленку?

Как же ее достала эта бабулька!

Нет, по-своему она, безусловно, грандиозная тетка и молодчина в каком-то смысле. Да во многих смыслах молодчина, если честно!

Так «построила» всю родню, что та исполняет каждую ее прихоть с немалым усердием и фантазией, лишь бы не гневить маман, а то....

Ух, что будет «а то»!

Как уже успела понять Клава, хватка у восьмидесятивосьмилетней бабульки железная — акуля, и про свою выгоду и счастливую обеспеченную жизнь она все замечательно понимала еще с младенческого нежного возраста, когда впервые освоила счет до десяти.

Впрочем, понимала Клавдия не только это.

Где-то три года назад, увлеченная некой творческой идеей, родившейся в результате общения с одним совершенно невероятным человеком, поразительной мощной личностью, Клавдия, не представляя последствий, долгим нытьем и увещеваниями уговорила его написать книгу своих воспоминаний.

Вернее, как написать — он наговаривает на диктофон или непосредственно ей свои воспоминания и передает имеющиеся у него документы, а Клавдия подтверждает их подлинность в архивах и соответствующих учреждениях и оформляет весь этот объем данных в книгу мемуаров.

Она настолько увлеклась и погрузилась в это дело и настолько подпала под обаяние и масштаб личности этого человека, что и не заметила, как они завершили работу и книга вышла в продажу. И сразу же стала наикрутейшим бестселлером и побила все рекорды продаж, на долгие месяцы заняв первые места в рейтинге самых читаемых и популярных книг.

Клавдия тогда, помнится, грустила ужасно, что закончилась такая увлекательная, грандиозная работа, и откровенно недоумевала, за что ее безмерно хвалит родное издательство.

А потом тот замечательный человек протезировал ей одного своего друга, не менее интересную и значимую личность, предложив написать и его мемуары. Клава поканючила, отнекиваясь — вообще-то это не ее профиль, она ответственный редактор, а это совсем иная работа, а за мемуары она взялась исключительно из любви и преклонения перед столь неординарным человеком, но после знакомства со вторым предполагаемым мемуаристом загорелась интересом к новой работе.

Нет, ну на самом деле, человек потрясающий, мирового масштаба личность, поразительной духовной мощи.

И она снова настолько увлеклась работой, творчеством, подпав под обаяние этой личности, что и в этот раз не заметила, как получился у них и вышел в свет очередной бестселлер, продававшийся, как горячие пирожки в мороз.

В общем, к работе ответственного редактора Клавдия не вернулась до сих пор, а занимается своеобразной литературной деятельностью, которая именуется в издательстве как-то даже несколько уничижительно — «литературный записчик», видимо, чтобы гордыня не чесалась, донимая.

Вообще-то Клавдии было глубоко пофиг, как там называется ее профессиональная деятельность, главное, что ей было необычайно интересно и увлекательно, и люди, с которыми приходилось сотрудничать, были личностями масштабными, оставившими в истории страны весомый след, и от общения с ними она обогащалась.

А если учесть, что специалистом Клава была дотошным и проводила долгие часы в архивах и спецхранах, к которым имела допуск, и встречаться приходилось по ходу работы со многими не менее интересными и известными личностями, чтобы проверить слова ее автора и подкрепить их аргументами и воспоминаниями очевидцев и участников описываемых событий, то и познания

и опыт она приобретала уникальный, что и говорить.

Материала выше головы, и порой Клавдия раскапывала среди груды старых дел такие документы и факты, от которых приходила в настоящее потрясение, и для нее история страны и людей тех прошлых эпох открывалась с неожиданной стороны, становясь многослойной и увлекательной, как наикрутейший голливудский боевик.

Так, это она отвлеклась, напоминая себе в очередной раз, как она вообще сюда попала и почему «вляпалась» в эту работу с престарелой мемуаристкой, отягощенной манией величия.

Под литературной редакцией Клавдии вышло уже три книги мемуаров, и все они имели колоссальный успех и бесконечные дополнительные тиражи и продолжали бить рекорды популярности — ну, такие вот у этих мемуаров герои и их автобиографии, мирового уровня фигуры и люди потрясающие. Что имело для Клавдии неожиданные последствия в виде обрушившейся на нее странной известности и своеобразной востребованности.

А именно: вдруг высшее, так сказать, общество страны загорелось новой свежей идеей — непременно оставить о себе и своей распрекрасной жизни литературную нетленку на века. И непременно в обработке записчицы Клавдии Невской, одно участие которой, по слухам среди бомонда,